

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.127-137

В. И. Пржиленский*

Правовая неопределенность в контексте трансформации основ уголовного судопроизводства¹

Аннотация. В статье на основе анализа истории юридической науки и правоприменительной практики рассматриваются предпосылки концептуализации феномена неопределенности в праве. Автором предлагается историко-рациональная реконструкция перехода от обыденно-практического опыта понимания неопределенности к понятию, позволяющему формулировать принципы законотворчества и правоприменения, запрещающие неопределенность в законе и решениях суда. Эксплицируется отличие концептуализации феномена неопределенности в отечественной юридической литературе от аналогичной литературы англоязычного мира, где для его обозначения используются три разных понятия: indeterminacy, vagueness и uncertainty. Подвергаются анализу трудности, возникающие при реализации стремления интегрировать систему российского права в правовое пространство Евросоюза, где принцип правовой определенности является одним из главных инструментов интеграции. Подробно разбираются оценки перспектив и значение принципа правовой определенности в практике реализации идеи верховенства права, рассматриваются возникающие при этом парадоксы.

Примеры из практики Европейского Суда по правам человека, когда те или иные решения критикуются из-за несоблюдения законотворцами принципа правовой определенности, подтверждают существенное значение мировоззренческих и ценностных оснований в системах современного права. Исследуется значение философских и теоретико-концептуальных оснований включения общенаучного понятия неопределенности в частнонаучную методологию правовых исследований. Определяются различия интерпретации феномена неопределенности в лингвистике, физике, экономике, философии, логике и других науках. Делается вывод о необходимости привлечения средств и методов междисциплинарного исследования для дальнейшей разработки теории правовой неопределенности.

Ключевые слова: правовая неопределенность; принцип определенности; судопроизводство; право; indeterminacy; vagueness; uncertainty; междисциплинарность.

Для цитирования: Пржиленский В. И. Правовая неопределенность в контексте трансформации основ уголовного судопроизводства // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 127–137. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.127-137.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

© Пржиленский В. И., 2021

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

vladprnow@mail.ru

Legal Uncertainty in the context of the Foundations of Criminal Justice Transformation²

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vladprnow@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the history of legal science and law enforcement practice, the paper considers the prerequisites for the conceptualization of the phenomenon of uncertainty in law. The author offers a historical and rational reconstruction of the transition from the everyday and practical experience of understanding uncertainty to the concept that allows us to formulate the principles of lawmaking and law enforcement that prohibit uncertainty in the law and court decisions. The author explicates the difference between the conceptualization of the phenomenon of uncertainty in the Russian legal literature and similar literature of the English-speaking world, where three different concepts are used to denote it: indeterminacy, vagueness and uncertainty. The paper analyzes the difficulties that arise in the implementation of the desire to integrate the system of Russian law into the legal space of the European Union, where the principle of legal certainty is one of the main instruments of integration. The author analyzes in detail the assessment of prospects and the significance of the principle of legal certainty in the practice of implementing the idea of the rule of law, and considers the paradoxes that arise in this case.

Examples from the practice of the European Court of Human Rights, when certain decisions are criticized because of non-compliance by lawmakers with the principle of legal certainty, confirm the essential importance of ideological and value bases in the systems of modern law. The paper examines the significance of the philosophical and theoretical-conceptual grounds for the inclusion of the general scientific concept of uncertainty in the private scientific methodology of legal research. The differences in the interpretation of the phenomenon of uncertainty in linguistics, physics, economics, philosophy, logic and other sciences are determined. It is concluded that it is necessary to attract funds and methods of interdisciplinary research for the further development of the theory of legal uncertainty.

Keywords: legal uncertainty; principle of certainty; legal proceedings; law; indeterminacy; vagueness; uncertainty; interdisciplinarity.

Cite as: Przhilenskiy V. Pravovaya neopredelennost v kontekste transformatsii osnov ugovolnogo sudoproizvodstva [Legal Uncertainty in the context of the Foundations of Criminal Justice Transformation]. *Lex russica*. 2021;74(6):127-137. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.127-137. (In Russ., abstract in Eng.).

Донаучный опыт встречи со словом «неопределенность» предельно прост и сводится к обращению к смысловой оппозиции «знаю — не знаю». Так, на уровне здравого смысла хорошо понятно, что такое «определенный», «определенное», «определенность», а значит, и что такое «неопределенный», «неопределенное», «неопределенность». Руководствуясь известной мыслью о том, что значение слова — это его употребление, можно сказать, что неопределенность означает отсутствие «определенности».

В Толковом словаре русского языка значение этого слова не отделяется от значения слова «неопределенный», которое толкуется как «точно не установленный», «не вполне отчетливый», «неточный», «неясный»³. Наряду с неопределенным, принято говорить о неопре-

делимом как о не поддающемся определению. Оставим пока без рассмотрения долгую историю учений о неопределимом как о недоступном уму по причине слабости самого ума, в ходе которой о так понятой неопределенности в разное время высказывались софисты и скептики, агностики и релятивисты, которых сегодня объединяют под общим титулом эпистемологических пессимистов. Как известно, их оппоненты — эпистемологические оптимисты — считали неопределенное всего лишь пока не определенным, но вполне определенным. Гораздо интереснее вопрос о том, сводится ли тематизация и проблематизация понятия неопределенности к эпистемологическому горизонту рассмотрения.

Русское слово «неопределенность», будучи отрицанием слова «определенность», означает

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

недостаточность знания. Слово «неопределенный» используется и в смысле «расплывчатый, нечеткий», и в смысле «неточный», и в смысле «недостаточно известно». Мы знаем «что», но не знаем «где». Или знаем «где», но приблизительно, а хотели бы знать «где точно». Или «когда точно». Или «сколько точно». Таков эпистемологический контекст экспликации данного понятия. Неопределенность здесь понимается как отсутствие определения (indeterminacy).

Но для обсуждения проблемы неопределенности в праве в зарубежной литературе используются два других слова: *vagueness* и *uncertainty*. Слово *vague*, как и образованное от него *vagueness*, пришло в английский язык из латинского, где *vagus* — это «бродящий, блуждающий, бессвязный, “образно” колеблющийся, неуверенный»⁴. Использование этого слова для обозначения с его помощью понятия неопределенности применительно к праву дает повод для онтологического, а не эпистемологического истолкования неопределенности.

Неопределенность оказывается характеристикой самого объекта — не мы о нем ничего не смогли разузнать, а разузнать о нем ничего невозможно. Другими словами, этот объект по своей сути таков, что может только блуждать, не задерживаясь на одном месте, будь то бродяга, не признающий паспорта и прописки, или же электрон, местоположение которого не может быть зафиксировано никакими приборами потому, что он, будучи отчасти волной, отчасти веществом, не пребывает ни в каком конкретном месте. Видимо, в этом и был смысл дошедших до нас концепций ионической философии: всё есть вода, всё течет и непрерывно изменяется, и из этого делается вывод о том, что о текущем и изменчивом невозможно иметь никакого знания.

Между тем сам принцип правовой определенности, как, впрочем, и все остальные принципы, гораздо легче провозгласить, чем всех устраивающим образом сформулировать, не говоря уж о том, что дать этой формулировке всех устраивающую и всем понятную интерпретацию. «Одним из основных аспектов верховенства права является принцип правовой опре-

деленности, который требует, *inter alia*, чтобы при окончательном разрешении дела судами их постановления не вызывали сомнения»⁵. Здесь всё представляется ясным и определенным, если не считать неопределенности, возникающей при рассмотрении словосочетания «не вызывали сомнения». У кого не вызывали сомнения? У судьи или у инстанции, которая занята «окончательным разрешением дела»? Наверное, решение последней инстанции и не будет вызывать сомнений у тех, кто его готовит и принимает — такое требование избыточно и в конечном счете бессмысленно. Тогда, может быть, у тех, чье решение проверяется и подтверждается или отменяется этой самой последней инстанцией? Но это, несомненно, так и будет в первом случае, а во-втором гораздо разумнее ожидать наличие сомнений у тех, чье решение отменено. Лишь особая дисциплина может заставить нижестоящие инстанции безропотно соглашаться с отменяющим их собственное решение решением вышестоящих. Но тогда надо ли видеть в этом отсутствии сомнений какую-то иную интерпретацию принципа верховенства права, кроме дисциплинарной? Или речь идет обо всех участниках процесса: истцах, ответчиках, судьях и даже об общественном мнении? В последнем случае этот принцип требует удалить все неясности и неопределенности, представив полное соответствие между фактами, обстоятельствами дела, выводами следствия и решениями суда, произведенного в полном соответствии с требованиями Аристотелевой логики и теории аргументации⁶.

Когда говорят о принципе определенности в праве, как и о присутствии в реальном праве неопределенности, то прекрасно понимают, что сфера его действия — законы и решения суда. Другими словами, и определенность, и неопределенность в праве есть дело рук человеческих, а не реализация божественного замысла и не действие природных закономерностей. С этой простой мыслью соглашаются не все. Можно предположить, что найдутся теоретики, которые будут говорить о том, что в естественном праве неопределенности нет, ее рождает несовершенство позитивного права, то есть не-

⁴ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/vague>.

⁵ Постановление ЕСПЧ от 28.10.1999 «Дело «Брумареку (Brumarescu) против Румынии» (жалоба № 28342 (95)).

⁶ Ершов В. В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. 1. С. 12–42.

достатки и пробелы в существующем законодательстве. Но для нашего рассмотрения эта восходящая к Античности дилемма не играет существенной роли. Гораздо важнее обратиться к возникшим в последнее десятилетие спорам о том, что означает реализация принципа правовой определенности и каковы основания говорить о правовой неопределенности.

Споры о правовой неопределенности связаны с попыткой интегрировать правовую систему законодательства Российской Федерации в правовое пространство Евросоюза, а также с той ролью, которую играет принцип правовой определенности в теории и практике Европейского Суда по правам человека. Как известно, включение российского социума в сферу юрисдикции этого судебного органа породило немало коллизий, когда российские теоретики вынуждены были задуматься не только о соответствии законодательств и судебных практик, но и о возможности единого понимания теорий, принципов и концепций, лежащих в основе судопроизводства и правоприменительных практик в целом. Речь идет о сходстве (или различии) интерпретативных возможностей, концептуально-теоретических средств и ценностных оснований российских и европейских правоведов.

Проблема интерпретации законов и норм права относится к числу традиционных для правоприменителей. «Поскольку право, — пишет Н. В. Варламова, — должно быть способно следовать за изменяющимися отношениями, во многих законах используются термины, в большей или меньшей мере неопределенные и расплывчатые. Их толкование и применение — задача судебной практики. В ряде случаев надлежащая определенность закона достигается в результате его судебного толкования»⁷. Но сейчас эта проблема приобрела новое звучание. Дополнительные трудности в поиске подходящей интерпретации оказались связаны с различием в культурно-историческом, социокультурном и даже этноконфессиональном опыте судей, экспертов и остальных участников судебных разбирательств.

Формирование единого правового пространства на основе универсалистских представлений о правах человека, а также иных ценностей, раз-

деляемых большинством европейских политиков, законодателей и гуманитариев, не устраняет указанных различий, которые дополнительно усугубляются различием в правовых традициях современной Европы. «Вместе с тем, — продолжает Н. В. Варламова, — толкование, даваемое закону применительно к обстоятельствам конкретного дела, также должно быть предсказуемо исходя из его содержания»⁸.

Человеческий разум требует такой же определенности, какую он потребовал от природы и которую нашел благодаря опытно-экспериментальному естествознанию. В любое время и в любом месте можно повторить лабораторный эксперимент и при тщательном соблюдении всех условий его проведения участники вправе рассчитывать на результат, идентичный ожидаемому. Можно сказать, что ожидаемость и предсказуемость результатов повторного эксперимента — главная ценность опытно-экспериментального метода. Более того, применение этого метода вместе с методами наблюдения и измерения дает знание нового типа, которое может быть положено в основу производственной технологии. Речь идет о такой технологии, когда производитель может заранее довольно точно рассчитать параметры и свойства производимого им предмета и произвести его затем в любом количестве. Требование, выраженное в словах о предсказуемости интерпретации дела, исходящей из его содержания, очень похоже на требование предсказуемости расчетных параметров производимого продукта. Решение суда также должно быть предсказуемо в том смысле, что его деятельность не должна зависеть ни от личности судьи, ни от иных обстоятельств или качеств участников процесса. Иначе мы ставим под сомнение принцип равной ответственности за одинаковые преступления. И тяга организаторов правосудия к единому правовому пространству укрепляется их стремлением к достижению единообразия подходов судов к интерпретации норм права, выражающегося в предсказуемости результатов интерпретации права «исходя из содержания дела». Такова суть принципа правовой определенности.

В итоге развития философской теории истины возникло различие корреспондентной и

⁷ Варламова Н. В. Принцип правовой определенности как выражение социального назначения права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики. С. 164–165.

⁸ Варламова Н. В. Указ. соч. С. 165.

когерентной истины, которое позволяет мыслить истину и как соответствие вещей их описаниям, и как взаимную согласованность отдельных описаний. Следуя этой теории, фиксируемая в сфере права неопределенность должна устраняться с учетом двух указанных измерений: преодоление неопределенности в какой-то норме права не должно увеличивать общую разбалансированность системы. На эту опасность указывает голландский исследователь П. Попелье, когда она пишет о пяти парадоксах, рождаемых чересчур активным применением принципа определенности, и об опасностях, связанных с такой активностью. «Принцип правовой определенности, — отмечает П. Попелье, — становится популярным в качестве правового инструмента борьбы с неопределенностью правового порядка. В то же время под вопросом сами основы этого принципа. Более того, превращение принципа правовой определенности в правовой инструмент может привести к нереалистичным ожиданиям»⁹.

Первый парадокс возникает из понимания того, что неопределенность присуща праву как таковому. Здесь на первый план выходят общие соображения правовой онтологии и правовой эпистемологии, восходящие к господствующей в XX в. научной картине мира и зависимости от нее правовой картины мира. Идея о том, что правовой порядок не только не является полностью определенным, но он таков в принципе и не может быть иным, отсылает нас к философским учениям, провозглашающим противоречие неотъемлемым свойством бытия и источником всякого развития.

Второй парадокс П. Попелье видит в несоответствии между ожиданиями роста роли права в отношениях между людьми и реальностью, в которой никакого роста наблюдать не будет. Напротив, в массовом сознании воцарится прямо противоположное настроение, которое автор отождествляет с понятием «невыполнимой миссии». В итоге общество будет иметь рост социального пессимизма и правового нигилизма, в то время как намерения адептов расширения и углубления принципа правовой определенности совершенно иные.

Еще более значимыми выглядят третий и четвертый парадоксы. Третий парадокс, по мнению П. Попелье, заключается в непредсказуемости последствий пересмотра законо-

дательства, проводимого под лозунгом роста правовой определенности, а в реальности приводящего к расширению правовой неопределенности. Следующий парадокс — четвертый — формулируется в условиях различения объективной и субъективной неопределенности, первая из которых связана с доступностью права и касается правовой базы, а вторая — с уважением законных ожиданий. Правовая система каждой страны представляет собой объективно существующий набор возможностей, вытекающих из тех норм, которые ее составляют. При этом вполне резонно, что каждый индивид, знакомый с этими нормами, способен прогнозировать последствия своих действий, в том числе и в случае нарушения норм.

П. Попелье приводит в качестве примера различное отношение к законам, которые часто меняются, и законам, в которых содержится указание на срок их действия. Так, постоянно изменяющееся законодательство, регулирующее оборот денежных ресурсов и их распределение в бюджетной сфере, порождает у граждан недоверие. Данное недоверие и есть субъективная неопределенность, никак не соответствующая вполне достигнутой объективной правовой определенности. Другим примером она считает ситуацию неясно сформулированного, хотя и введенного в действие закона, когда законодатель вынужден задним числом разъяснять свои намерения, и суд принимает эти разъяснения, фактически нарушая принцип исключения обратной силы. П. Попелье называет такие законы «интерпретативными» и приходит к выводу о росте субъективной правовой неопределенности со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

И наконец, пятый парадокс, формулируемый автором, выглядит так: «юридическая недействительность правовой нормы, поскольку она противоречит принципу правовой определенности, ведет к еще большей правовой неопределенности»¹⁰. П. Попелье считает парадоксальным тот факт, что правовые инструменты используются для борьбы с неопределенностью, вызванной законом. При этом правовая неопределенность растет благодаря самим средствам правовой защиты. Если лица опирались на норму права, которая фактически оказывается недействительной, то возникает ситуация, требующая вмешательства законо-

⁹ Popelier P. Five Paradoxes on Legal Certainty and the Lawmaker // *Legisprudence*. 2008. № 2:1. P. 47.

¹⁰ Popelier P. *Op. cit.* P. 49.

творцев для устранения возникшего в законе пробела.

Здесь самое время вернуться к вопросу о трактовке принципа определенности, когда определенность понимается как предсказуемость. При таком неявном переходе от принципа определенности к принципу предсказуемости возникает ряд вопросов. Н. В. Варламова приводит многочисленные примеры из практики Европейского Суда по правам человека, когда судьи решали, соответствуют ли те или иные законы принципу определенности¹¹. Иначе говоря, могут ли записанные в законах положения трактоваться по-разному разными сторонами судебных прений. И если да, то возможно ли усовершенствовать формулировки, удалив из них саму возможность разночтения и разногласия. «Немногие темы теоретической лингвистики, — пишет Р. Пошер, — так тесно связаны с юридической интерпретацией, как лингвистическая неопределенность, связанная с двусмысленностью и расплывчатостью. Значительные части институциональной правовой системы, особенно суды апелляционного уровня и верховные суды, по большей части озабочены не раскрытием фактов дел, а неопределенностями закона. В разговорном смысле как расплывчатость, так и двусмысленность используются в общем для обозначения неопределенности»¹².

Один из приводимых Н. М. Варламовой примеров — это дело Гаведа против Польши, в котором заявитель жаловался на отказ в регистрации двух журналов, один из которых назывался вполне провокационно «Германия — тысячелетний враг Польши». Название второго периодического издания «Социально-политический ежемесячник — Европейский моральный трибунал» также было сочтено государственными чиновниками не соответствующим польскому закону о печати. Этот закон требовал, чтобы в заявлении была прописана вся необходимая информация о предполагаемом издании, в том числе и о его содержании. Основанием для отказа стало распоряжение министра юстиции, в котором содержалось отдельное требование к содержанию публикаций, которые, согласно

этому требованию, не могут вступать «в противоречие с действительностью». Нетрудно видеть, что отвергнутые названия журналов содержали декларацию политических убеждений и ценностных предпочтений издателей, редакторов и потенциальных авторов, но само требование сопоставления оценочных суждений с фактами является невыполнимым. Неудивительно, что Европейский Суд по правам человека подверг критике решения польского суда. «По мнению Европейского Суда, — пишет Н. М. Варламова, — термины, используемые в данном выражении, двусмысленные и недостаточно ясные по сравнению с тем, что можно ожидать от законодательных положений такого характера... по мнению Европейского Суда, тот факт, что практика польских судов в отношении регистрации печатных изданий не демонстрирует, что соответствующие положения вызывали особые трудности при толковании (на что ссылалось государство-ответчик), только подчеркивает непредсказуемость толкования, данного им судами в этом случае»¹³.

Таким образом, речь идет о том, что текст закона должен содержать только хорошо определенные термины. Распространенная в странах общего права доктрина *void-for-vagueness* требует, чтобы обычные люди могли заранее знать правовые последствия своих действий, ибо если формулировка закона неясна не подготовленному к чтению специальных юридических текстов индивиду, то она вряд ли способна эффективно работать и предотвращать криминальное поведение. Более того, написанная специальным языком норма закона может таить в себе опасность поощрения произвольного и даже дискриминационного по отношению к подсудимому истолкования.

Исследования неопределенности в праве перекликаются с исследованиями этого феномена в лингвистике, физике, экономике, философии, логике и других науках. Вокруг понятия неопределенности возникли теория игр, теория принятия решений и ряд других теоретических образований. Но даже при беглом знакомстве с литературой создается устойчивое впечатле-

¹¹ Варламова Н. М. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 4 (41). С. 94–109.

¹² Poscher R. Ambiguity And Vagueness In Legal Interpretation / The Oxford Handbook of Language and Law. 2012. Nov. (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1651465)

¹³ Варламова Н. М. Принцип правовой определенности и требования к позитивному праву (по материалам практики Европейского Суда по правам человека) // Российский ежегодник сравнительного права. № 1. 2007. СПб. : Юридическая книга, 2008. С. 51–52.

ние об эпизодичности, о фрагментарности и слабой продуктивности взаимодействия этих дисциплин, если даже не о полном его отсутствии. Между тем, обратившись к опыту физики XX в., можно обнаружить немало интересного и полезного.

Напомним исторический спор А. Эйнштейна и Н. Бора о том, является ли в физике микромира отсутствие знания об объекте, точнее — о его местоположении, свойством самого объекта или это всего лишь констатация того, что искомые знания, позволяющие устранить неопределенность, пока просто не найдены. Знаменитая фраза Эйнштейна о том, что Бог не играет в кости, показывает неготовность выдающегося ученого отказаться от принципа детерминизма, который, как известно, гарантирует полную определенность характеристик объекта при условии знания закономерности и начальных условий. Фундаментальное онтологическое допущение о том, что все в мире детерминировано действием внешних сил, лежало в основе научной революции Нового времени — его отмена ставила под вопрос все созданные за три столетия физические теории. Н. Бор, как известно, отделался в этом знаменитом споре оговоркой, что не считает возможным обсуждать то, что построено не по правилам научно-теоретической аргументации. «Эйнштейн насмешливо спрашивал нас, неужели мы действительно верим, что божественные силы прибегают к игре в кости (“...oh der liebe Gott würfelt”), а я на это отвечал, что уже мыслители древности указывали на необходимость величайшей осторожности в присвоении провидению атрибутов, выраженных в понятиях повседневной жизни»¹⁴.

Н. Бор не был готов обсуждать метафоры отчасти потому, что в развитии физики микромира наступила новая эра — к описанию процессов и явлений стали применяться математические методы, позволившие оперировать неопределенностями. Еще в XVII в. была создана математика, в которой само понятие неопределенности было операционализировано. Понятие неопределенности оказалось определено, причем определено операционально, что позволило измерять неопределенности,

сравнивать их друг с другом, включать в уравнения в качестве величин и операторов. Как зло в манихейской онтологии превращается из отсутствия добра в отдельную субстанцию, так и неопределенность, будучи изначально всего лишь математической фикцией, постепенно обретает статус явления, заставляющего задуматься и над его возможной сущностью.

Онтологизация неопределенности — это определенный способ восприятия мира, альтернативный убеждению в том, что миром правят числа и всё в нем исчислимо, измеримо и соизмеримо. Принадлежащие Галилею слова о том, что книга природы написана языком математики, фиксируют современное понимание этого убеждения. Допущение несоизмеримого в мире соизмеримого не меняет сути данного подхода. Так, средневековый теолог и философ Н. Орем писал о соизмеримости и несоизмеримости: «Небесное сияет гораздо большей и шире простирающейся красотой, если тела соизмеримы и движения несоизмеримы или если одни движения соизмеримы, другие же несоизмеримы, хотя каждое из них равномерно, нежели в том случае, если все они соизмеримы. Тогда, при сочетании иррациональности и равномерности, равномерность разнообразится иррациональностью, иррациональность же не лишается должной равномерности»¹⁵.

Средневековый ученый размышлял о движении небесных тел, стараясь разгадать, каков был замысел того, кто создал и эти тела и это движение, — Бога. Коль скоро написавший книгу природы избрал язык математики, его самого можно назвать математиком, а язык математики признать божественным. Неслучайно сегодня, когда подобные метафоры не производят должного впечатления, философы и ученые рассуждают о непостижимой эффективности математики¹⁶. Между тем история развития физики, а с ней и история научного метода, преподает нам наглядный урок того, как стремление к простоте и рациональности циклически сменяется стремлением к сложности и иррациональности. Преобразования Лоренца возникают для того, чтобы дополнить и расширить границы классической механики, потому что прежние оказались тесны для изуче-

¹⁴ Бор Н. Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике // Успехи физических наук. 1958. № 66. С. 582.

¹⁵ Орем Н. О соизмеримости или несоизмеримости движения неба. Зубов В. П. Трактат Брадвардина «О континууме». М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 80.

¹⁶ Клайн М. Математика. Утрата определенности. М. : Мир, 1984. 447 с.

ния электромагнитных явлений. Но сам переход от принципа Галилея, в котором учитывались лишь инерциальные системы отчета и объяснялось всё в них происходящее, к рассмотрению неинерциальных систем, движущихся с переменной скоростью, показывает радикальный сдвиг фундаментальной цели исследования.

Вопрос о том, можно ли текст закона, как и любой текст, предписывающий некие действия или, наоборот, их запрещающий, записать таким образом, чтобы каждый его элемент был однозначно определен, задавали себе и философы, и юристы. Собственно, из судебных споров, как и из споров философских, возникли такие науки, как метафизика, логика и теория аргументации. В ходе этих споров родились многочисленные правила и требования, составлявшие большую часть их содержания. Как известно, слова, в отличие от терминов, многозначны, и для реализации принципа определенности необходимо перейти к однозначно определяемым терминам, но последнее возможно только тогда, когда мы располагаем системой таких терминов и они исчерпывающим образом описывают мир. И уже тогда были видны некоторые слабые места идеи тотальной определенности, лежащей в основе современного принципа определенности в праве. Нельзя определить все понятия: среди них есть такие, которые называются фундаментальными и которые не могут быть определены иначе, чем путем конституирования.

Исторически можно разделить пути обсуждения темы определенности, а одновременно с ней и темы неопределенности, в таких разных и далеких от правоведения отраслях знания, как математика, логика, метафизика, эпистемология, математическое или таксономическое естествознание. Эти обсуждения, ведущиеся в рамках разных науки и фактически на различных дисциплинарных языках периодически то удалялись друг от друга, то вновь сближались в периоды неожиданно возникающего влияния одной на другую или взаимовлияния на почве распространения какого-то нового метода.

Образцы определений, заучиваемые лишь старательными школьниками, несут на себе отпечаток преодоления той самой Аристотелевой логики и метафизики, которая по сей день остается не только идеалом, но и действующим инструментом для нормотворцев и правоприменителей. Операционально определенные термины ньютоновской механики обладают высочайшей определенностью — эта определенность ограничена лишь точностью измерительных приборов и совершенством процедур измерения. Но если хоть немного изменить условия операционального определения всей системы, вся прежняя определенность теряет смысл. Вот почему логики и математики стали спорить о проблеме разрешимости применительно к системам исчислений¹⁷, о полноте аксиоматики, лежащей в основе системы в контексте ее онтологии¹⁸, и т.п. Эти споры длились на протяжении всего XX в., сегодня их интенсивность явно идет на спад.

Вопрос о том, какой определенностью обладают понятия, при помощи которых формулируются нормы права, в общем-то зависит от решения их практических задач. Мы знаем, как вводится в систему физических величин понятие массы, и знаем, как ее измерить. И самое главное, мы знаем, как использовать полученные путем измерения данные при расчете устройств. Но мы не знаем, как определить или измерить справедливость судебного приговора. И тем более мы не знаем, как зафиксировать то, что судья при принятии решения учел все смягчающие вину подсудимого обстоятельства, и учел их «единственно возможным образом». О том, что операциональное измерение справедливости, как и любая иная ее цифровизация, вряд ли когда-либо будет возможно, ясно всем. А вот о том, что предсказуемость судебных решений, исходящая из индивидуальной интерпретации слов и понятий, использованных при формулировании норм права, достижения, споры ведутся, и сам факт провозглашения принципа определенности служит тому подтверждением.

¹⁷ Клини С. К. Введение в метаматематику. М. : Либроком, 2009. 526 с.

¹⁸ Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. М. : ДИК, 1999. 237 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бершицкий Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. — М. : М-Логос, 2021. — 154 с.
2. Бор Н. Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике // Успехи физических наук. — 1958. — № 66. — С. 571–598.
3. Варламова Н. В. Принцип правовой определенности как выражение социального назначения права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. — М. : РГУП, 2018. — Ч. 1. — С. 164–165.
4. Варламова Н. М. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2002. — № 4 (41). — С. 94–109.
5. Варламова Н. М. Принцип правовой определенности и требования к позитивному праву (по материалам практики Европейского Суда по правам человека) // Российский ежегодник сравнительного права. № 1. 2007. — СПб. : Юридическая книга, 2008. — С. 46–86.
6. Да Коста Н. Философское значение паранепротиворечивой логики // Философские науки. — 1982. — № 4. — С. 114–125.
7. Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. — М. : Academia, 1995. — 252 с.
8. Ершов В. В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. — М. : РГУП, 2018. — Ч. 1. — С. 12–42.
9. Клайн М. Математика. Утрата определенности. — М. : Мир, 1984. — 447 с.
10. Клини С. К. Введение в метаматематику. — М. : Либроком, 2009. — 526 с.
11. Куайн У. Слово и объект. — М. : Логос-Праксис, 2000. — 386 с.
12. Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. — М. : ДИК, 1999. — 237 с.
13. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН. — М. : Мысль, 2000–2001.
14. Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. — М. : Изд. Московского университета, 1966. — 184 с.
15. Орем Н. О соизмеримости или несоизмеримости движения неба ; Зубов В. П. Трактат Бравдвардина «О континууме». — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 160 с.
16. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. — М. : Логос, 2000. — 448 с.
17. Соболева М. Е. Философия как «критика языка» в Германии. — СПб. : Издательство СПбГУ, 2005. — 412 с.
18. Algorithmic game theory / ed. N. Nisan. — Cambridge Univ. Press, 2007. — 754 p.
19. Collected Papers of Charles Sanders Peirce : 8 vols / ed. C. Hartshorne, P. Weiss, and A. Burks. — Cambridge : Harvard University Press, 1935–1958. — Vol. 5.
20. D'Amato A. Legal Uncertainty // California Law Abstract. — 1983. — № 71. — P. 1–55.
21. Dijkstra R. There Are No Laws of Physics. There's Only the Landscape // Quantamagazine. — URL: <https://www.quantamagazine.org/there-are-no-laws-of-physics-theres-only-the-landscape-20180604/>.
22. Funtowicz S. O., Ravetz J. Uncertainty and quality in science for policy. — Dordrecht : Kluwer, 1990. — 229 p.
23. Graybosch A. J. Abduction, Justification, and Realism // Charles S. Peirce and the Philosophy of Science : Papers from the Harvard Sesquicentennial Congress. — The University of Alabama Press, 1993.
24. Jonsson O. P. Vagueness, Interpretation, and the Law // Legal Theory. — 15 (2009). — P. 193–214.
25. Kunreuther H. Risk Analysis and Risk Management in an Uncertain World // Risk Analysis, 2002. — № 22 (4). — P. 655–664.
26. Magnani L. An Abductive Theory of Scientific Reasoning // Semiotica. — 2005. — № 153–1/4. — P. 261–286.
27. Margolis J. Peirce's View of the Vague and the Definite // Charles S. Peirce and the Philosophy of Science : Papers from the Harvard Sesquicentennial Congress. — The University of Alabama Press, 1993. — P. 89–105.
28. Paunio E. Beyond Predictability — Reflections on Legal Certainty and the Discourse Theory of Law in the EU Legal Order // German Law Journal. — Vol. 10. — Iss. 11, 01. — November 2009. — P. 1469–1493.
29. Pellizzoni L. Uncertainty and participatory democracy // Environmental Values. — 2003. — № 12. — P. 195–224.

30. Popelier P. Five Paradoxes on Legal Certainty and the Lawmaker // *Legisprudence*. — 2008. — № 2:1. — P. 47–66.
31. Poscher R. Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation // *The Oxford Handbook of Language and Law*. — 2012. — Nov.
32. Quine W. *Word and Object*. — Harvard University Press, 1960. — 296 p.
33. Ravetz J. R. Science for the Post-Normal Age // *Futures*. — 1993. — № 25 (7). — P. 735–744.
34. Wesselink A., Hoppe R. If post-normal science is the solution, what is the problem? The politics of activist environmental science // *Science, Technology and Human Values*. — 2011. — № 36 (3). — P. 389–412.
35. Zydney Mannheimer M. J. Vagueness as Impossibility // *Texas Law Review (TLR)*. — 2020. — Vol. 98. Iss. 6. — P. 1049–1113. — URL: <https://texaslawreview.org/vagueness-as-impossibility/>.

Материал поступил в редакцию 27 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Bershitskiy EE. Pravovaya opredelennost i otsenochnye kategorii: kratkiy ocherk na primere sostavov pravonarusheniy v razlichnykh otraslyakh prava [Legal certainty and evaluation categories: a brief essay on the example of the elements of offenses in various branches of law]. Moscow: M-Logos; 2021. (In Russ.).
2. Bor N. Diskussii s Eynshteynom o problemakh teorii poznaniya v atomnoy fizike [Discussions with Einstein on the problems of the theory of knowledge in atomic physics]. *Uspekhi fizicheskikh nauk [Advances in physical sciences]*. 1958;66:571-598. (In Russ.).
3. Varlamova NV. Printsip pravovoy opredelennosti kak vyrazhenie sotsialnogo naznacheniya prava [The principle of legal certainty as an expression of the social purpose of law]. *Opredelennost i neopredelennost prava kak parnye kategorii: problemy teorii i praktiki: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3 ch.* [Certainty and uncertainty of law as paired categories: Problems of theory and practice: Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference: in 3 parts]. Moscow: RSUP; 2018. Part I. P. 164-165. (In Russ.).
4. Varlamova NM. Printsip pravovoy opredelennosti v praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [The principle of legal certainty in the practice of the European Court of Human Rights]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie [Constitutional Law: Eastern European Review]*. 2002;4(41):94-109. (In Russ.).
5. Varlamova NM. Printsip pravovoy opredelennosti i trebovaniya k pozitivnomu pravu (po materialam praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka) [The principle of legal certainty and the requirements for positive law (based on the case law of the European Court of Human Rights)]. *Rossiyskiy ezhegodnik sravnitel'nogo prava [Russian Yearbook of Comparative Law]*. 2007;1. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga; 2008. P. 46-86. (In Russ.).
6. Da Costa N. Filosofskoe znachenie paraneprotivorechivoy logiki [The philosophical meaning of paranecontestable logic]. *Filosofskie nauki [Philosophical sciences]*. 1982;4:114-125. (In Russ.).
7. Denezhkin A. "Faktichnost i znachimost" Yu. Khabermasa: novye issledovaniya po teorii prava i demokraticeskogo pravovogo gosudarstva ["Facticity and significance" by J. Habermas: new studies on the theory of law and the democratic rule of law state]. In: Habermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost: Moskovskie lektsii i intervyyu [Democracy. The mind. Morality: Moscow lectures and interviews]*. Moscow: Academia; 1995. (In Russ.).
8. Ershov VV. Parnye kategorii "opredelennost prava" i "neopredelennost prava" [Paired categories certainty of law" and "uncertainty of law"]. *Opredelennost i neopredelennost prava kak parnye kategorii: problemy teorii i praktiki: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 3 ch.* [Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Proceedings of 12th International Scientific and Practical Conference: in 3 parts]. Moscow: RSUP; 2018. Part I. P. 12-42. (In Russ.).
9. Kline M. Matematika. Utrata opredelennosti [Mathematics. Loss of certainty]. Moscow: Mir; 1984. (In Russ.).
10. Kleene SC. Vvedenie v metamatematiku [Introduction to metamathematics]. Moscow: Librocom; 2009. (In Russ.).
11. Quine W. Slovo i obekt [Word and object]. Moscow: Logos-Praxis; 2000. (In Russ.).
12. Kung G. Ontologiya i logicheskiy analiz yazyka [Ontology and the Logistic Analysis of Language]. Moscow: DIK; 1999. (In Russ.).

13. Mirskiy EM. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Interdisciplinary research]. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. [The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Institut filosofii RAN [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Mysl; 2000-2001. (In Russ.).
14. Mikhaylova EN, Chanyshv AN. Ioniyskaya filosofiya [Ionian Philosophy]. Moscow: Moscow University Publishing House; 1966. (In Russ.).
15. Orem N. O soizmerimosti ili nesoizmerimosti dvizheniya neba; Zubov V. P. Traktat Bradvardina "O kontinuumе" [On the commensurability or incommensurability of the movement of the sky; Zubov V. P. Bradwardine's treatise "On the Continuum"]. Moscow: Editorial URSS; 2004. (In Russ.).
16. Peirce CS. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. Moscow: Logos; 2000. (In Russ.).
17. Soboleva ME. Filosofiya kak "kritika yazyka" v Germanii [Philosophy as a "critique of language" in Germany]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2005. (In Russ.).
18. Nisan N, editor. Algorithmic game theory. Cambridge Univ. Press; 2007. (In Eng.).
19. Hartshorne C, Weiss P, Burks A, editors. Cambridge Collected Papers of Charles Sanders Peirce: 8 vols. Cambridge: Harvard University Press; 1935-1958. Vol. 5. (In Eng.).
20. D'Amato A. Legal Uncertainty. *California Law Abstract*. 1983;71:1-55. (In Eng.).
21. Dijkgraaf R. There Are No Laws of Physics. There's Only the Landscape. *Quantamagazine*. [Internet]. [cited 2021 May 1]. Available from: <https://www.quantamagazine.org/there-are-no-laws-of-physics-theres-only-the-landscape-20180604/> (In Eng.).
22. Funtowicz SO, Ravetz J. Uncertainty and quality in science for policy. Dordrecht: Kluwer; 1990. (In Eng.).
23. Graybosch AJ. Abduction, Justification, and Realism. Charles S. Peirce and the Philosophy of Science: Papers from the Harvard Sesquicentennial Congress. The University of Alabama Press; 1993. (In Eng.).
24. Jonsson OP. Vagueness, Interpretation, and the Law. *Legal Theory*. 2009;15:193-214. (In Eng.).
25. Kunreuther H. Risk Analysis and Risk Management in an Uncertain World. *Risk Analysis*. 2002;22(4):655-664. (In Eng.).
26. Magnani L. An Abductive Theory of Scientific Reasoning. *Semiotica*. 2005;153(1/4):261-286. (In Eng.).
27. Margolis J. Peirce's View of the Vague and the Definite. In: Charles S. Peirce and the Philosophy of Science: Papers from the Harvard Sesquicentennial Congress. The University of Alabama Press; 1993. (In Eng.).
28. Paunio E. Beyond Predictability — Reflections on Legal Certainty and the Discourse Theory of Law in the EU Legal Order. *German Law Journal*. 2009;10(11,01):1469-1493. (In Eng.).
29. Pellizzoni L. Uncertainty and participatory democracy. *Environmental Values*. 2003;12:195-224. (In Eng.).
30. Popelier P. Five Paradoxes on Legal Certainty and the Lawmaker. *Legisprudence*. 2008;2(1):47-66. (In Eng.).
31. Poscher R. Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation. *The Oxford Handbook of Language and Law*. 2012. (In Eng.).
32. Quine W. Word and Object. Harvard University Press; 1960. (In Eng.).
33. Ravetz JR. Science for the Post-Normal Age. *Futures*. 1993;25(7):735-744. (In Eng.).
34. Wesselink A, Hoppe R. If post-normal science is the solution, what is the problem? The politics of activist environmental science. *Science, Technology and Human Values*. 2011;36(3):389-412. (In Eng.).
35. Zydney Mannheimer MJ. Vagueness as Impossibility. *Texas Law Review (TLR)*. 2020;98(6):1049-1113 [Internet]. Available from: <https://texaslawreview.org/vagueness-as-impossibility/>. (In Eng.).